

ЧЕХОВСКІЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ
СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ}}$ 1910.

Чеховъ и критики.

А. П. Чеховъ, выступивъ на литературномъ поприщѣ рядомъ незначительныхъ юмористическихъ рассказовъ, долгое время не обращалъ на себя вниманія критики. По мѣрѣ же того, какъ талантъ его сталъ развиваться, молодой писатель началъ пользоваться успѣхомъ среди публики, критика стала разрастаться, достигнувъ за послѣднее время внушительныхъ размѣровъ. Я сказалъ „критика“, но такъ ли?

Съ горькой усмѣшкой авторъ будущей исторіи литературы остановится на отношеніяхъ къ Чехову современной ему критики. Долго оставался онъ непонятнымъ совсѣмъ, плохо понятымъ—такъ и сошелъ въ могилу.

Одни не шли дальше признанія Чехова первокласснымъ художникомъ, мастерски запечатлѣвшимъ ту приниженность, тусклость, которыя явились характерными чертами современной ему эпохи.

— Эхъ, господа, какъ вы можете тутъ жить?—говорить устами Коваленки изъ разсказа „Человѣкъ въ футлярѣ“ самъ Чеховъ.

Другіе просто „ругали“, не пытаясь разобраться въ его творествѣ. Вспомнимъ хотя бы исторію съ „Чайкой“ при первомъ ея представленіи въ Петербургѣ на александринской сценѣ. Критика сразу не поняла пьесы—высмѣяла автора въ газетахъ, и пошла писать губернія...

Пьеса провалилась!

„Чайка“ шла во второй разъ и имѣла выдающійся успѣхъ, но было поздно. Всѣ газеты оповѣстили о провалѣ „Чайки“ на первомъ представленіи въ Александринскомъ театрѣ. Однимъ словомъ, критика слѣлала свое дѣло.

На А. П. Чехова это подѣйствовало удручающе; его увѣряли въ томъ, что онъ вывелъ однихъ идиотовъ, что

песа въ сценическомъ отношеніи неуклюжа, что она не умна, даже бессмысленна и пр. и пр.

Собственно говоря, еще въ 1887 г. въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ появилась суровая критика на Чехова — К. К. Арсеньева. Онъ, разбирая первую книгу „Пестрыхъ разсказовъ“, никакъ не можетъ согласиться ни съ тѣми, кто отрицаетъ развитіе дарованія г. Чехова и готовъ видѣть въ послѣднихъ его произведеніяхъ „начало конца“, ни съ тѣми, кто одинаково восхищается всѣмъ вышедшимъ изъ-подъ его пера. К. К. Арсеньевъ видѣлъ въ разсказахъ Чехова самый важный недостатокъ — въ ихъ анекдотичности, отсутствіи правдоподобія и несообразности содержанія; кромѣ того, въ томъ, что дѣйствующія лица обрисованы неясно, незаконченно.

И вотъ, съ легкой руки К. К. Арсеньева, критика стала „нападать“ на Чехова, очевидно, не желая ударить лицомъ въ грязь.

Даже присужденіе пушкинской преміи въ 1888 г. за второй томъ разсказовъ Чехова „Въ сумеркахъ“ не обошлось безъ „но“...

Въ своей официальной статьѣ г. Бычковъ писалъ: „Книга подъ заглавіемъ „Въ сумеркахъ“ свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ талантѣ г. Чехова; языкъ живой и правильный, хотя иногда и попадаются неточныя и неправильныя выраженія, какъ, напр.: „на травѣ висятъ тускляя, недобрія слезы“ (стр. 3), „прекрасно симулировалъ влюбленнаго“ (стр. 23), „гдѣ бы я могъ сгодиться“ (стр. 251), „утрачиваетъ для него навсегда свое реальное значеніе“ (стр. 84), „внутри все сарайно“ (стр. 1031), ит. д.

„Принимая во вниманіе достоинства сборника разсказовъ г. Чехова подъ заглавіемъ „Въ сумеркахъ“, я, — пишетъ г. Бычковъ, — несмотря на нѣкоторые въ нихъ недостатки, мною указанные, считаю его заслуживающимъ почетнаго отзыва и даже поощрительной преміи, если этому не будетъ препятствовать пунктъ 5 § 9 правилъ“.

Какъ извѣстно, „пунктъ 5 § 9 правилъ“ не воспрепятствовалъ, и Чеховъ получилъ половинную пушкинскую премію въ размѣрѣ 500 р.

Но это „поощреніе“ академіи нисколько не смутило критику, и сборникъ „Въ сумеркахъ“ былъ изруганъ.

И такъ продолжалось все время.

Никто не хотѣлъ серьезно отнести къ молодому писателю, *раскусить* тайну его творчества.

Еще немного г. Волжскій сумѣлъ пристально, серьезно вдуматься въ чеховское творчество, подвергнуть пространному и детальному анализу его образы, его эволюцію, его замыслы и исканія.

А вѣдь Чеховъ представлялъ изъ себя совершенно оригинальную, самобытную величину, и сложность его творчества долго способствовала тому, что критика отрицала у него идеалы, не переставала обвинять его въ отсутствіи общихъ идей.

Напримѣръ, г. Протопоповъ въ своей статьѣ „Жертва безвременья“ („Русск. Мысль“ 1892 г., кн. VI) доходитъ до того, что отрицаетъ у Чехова сколько-нибудь опредѣленное міросозерпаніе.

Правда, Чеховъ и самъ, на этомъ не настаивая, какъ бы указывалъ, какъ къ нему нужно подойти.

„Я боюсь тѣхъ, кто между строкъ ищетъ тенденціи и кто хочетъ видѣть меня непременно либераломъ или консерваторомъ! Я не либераль, не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индифферентистъ. Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ и—только“... „Мое святая святыхъ—это человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь и абсолютная свобода,—свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія двѣ ни выражались. Вотъ программа, которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ“.

Гдѣ же тутъ безпринципность? Въ чемъ уличала его критика гг. Протопоповыхъ и Скабичевскихъ?

И такъ продолжалось дальше. Ни С. А. Андреевскій, писавшій о Чеховѣ походя, между дѣломъ, шутя и наскоро, — главнымъ образомъ, по поводу постановокъ его пьесъ на московской художественной сценѣ, ни Андреевичъ въ своихъ спѣшныхъ, легковѣсныхъ, не лучшихъ у него и поверхностныхъ вообще статьяхъ, составившихъ, однако, цѣлую книгу „о Горькомъ и Чеховѣ“, не подошли даже близко къ основной канвѣ думъ, мукъ, надеждъ Чехова: ни одинъ изъ нихъ не сумѣлъ разгадать міръ спорныхъ его воззрѣній, разставить вѣхи его философіи. Изъ другихъ и подавно никто не захотѣлъ или не сумѣлъ почтительно и серьезно заглянуть въ эти страницы. А. М. Скабичевскій покачивалъ неодобрительно головой на Чехова за газетность его работы, за ихъ безсюжетность, разбросанность и, какъ это ни смѣло, даже за ихъ безъ-

идейность. Это въ своей „Исторіи новѣйшей литературы“... Статью же „Собранія сочиненій“, озаглавленную: „Есть ли идеалы у Чехова?“, началъ, какъ и кончилъ, тѣмъ же недоумѣннымъ вопросомъ, теряясь и не рѣшаясь отвѣтить утвердительно, не пробуя формулировать этихъ идеаловъ, которыми, однако, художникъ жилъ, болѣлъ, одушевлялся, которые такъ ясны, такъ красивы и вразумительны. Н. К. Михайловскій не захотѣлъ измѣнить своего прежняго взгляда на Чехова, оставаясь при старомъ упрекѣ ему въ равнодушіи и безразличіи, не прощая „холодной крови“. Лучше другихъ и раньше другихъ опѣнили Чехова Перцевъ (въ „Р. Бог.“), въ 90-хъ годахъ В. А. Гольцевъ (въ „Русск. Мысли“) и нѣсколько раньше Д. С. Мережковскій, однако, ничего цѣннаго не сказавшій и скорѣе возбудившій вниманіе искусства, чѣмъ разъяснившій значеніе Чехова. А. Л. Вольнскій ограничился нѣсколькими строками; провинція молчала, столичныя газеты писали мало, а въ послѣдніе годы, напр., „Новое Время“ въ лицѣ Буренина пошло острило о Чеховѣ: „Чихъ-увы“. Уже послѣ смерти заговорили всѣ, но и тутъ не обошлось безъ „но“, безъ ненужныхъ вздоховъ, и даже молодые журналы отозвались далеко не единодушно: и „Вѣсы“ и „Новый Путь“, вообще говоря, положительно отнесшіеся къ покойному писателю, не могли обойтись безъ ограничительныхъ словъ, будто сдерживаясь и сомнѣваясь.

Если вспомнить, какъ быстро и легко теперешніе молодые писатели приходятъ къ славѣ, литературную судьбу Чехова надо будетъ признать несправедливо злой, тягостно-томительной и жестокой.

И Чеховъ, повидимому, чувствовалъ эти свойства современной ему критики. Не даромъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ В. А. Тихонову, по поводу его редакторства въ журналъ „Сѣверъ“, писалъ: „Редакторство Ваше меня не удивило и не вызвало ни одного вопроса, ни даже того, на которой Вы поторопились отвѣтить. Кому же быть редакторами, какъ не литераторамъ? Только, съ Вашего позволенія, вотъ Вамъ мой завѣтъ: *читайте все присылаемое и не относитесь недоброчно къ новичкамъ*. Заведите статейку по естественнымъ наукамъ и не давайте мѣсто шардамъ и критическимъ статьямъ“.

И Чеховъ всю жизнь оберегалъ „новичковъ“, устраивалъ ихъ, училъ, какъ писать, и т. д.

И дѣлалъ все мягко, благородно, какъ могъ только дѣлать Чеховъ.

Очевидно, писатели чувствовали это свойство души Чехова и несли на его судъ свои произведенія. Къ нему всегда обращалась масса литераторовъ, какъ начинающихъ, такъ и составившихъ себѣ кое-какое имя, съ просьбой прочесть тотъ или иной рассказъ. И А. П., несмотря на свое очень частое нездоровье, а за послѣднее время будучи совсѣмъ больнымъ, когда сталъ редакторомъ беллетристическаго отдѣла журнала „Русск. Мысль“, исполнялъ добросовѣстно возложенную на него миссію „чтенія“ и по прочтеніи давалъ очень подробные отвѣты. Эта дѣятельность Чехова, какъ критика, почти не освѣщена, и я думаю посвятить ей не въ далекомъ будущемъ специальную статью.

Мы знаемъ, какъ Чеховъ относился къ собственному творчеству; интересны также его взгляды, его отношеніе къ творчеству другихъ.

Стоитъ внимательно посмотрѣть „собраніе его писемъ“, какъ увидите, сколько тамъ разбросано цѣнныхъ указаній, замѣтокъ и т. д.

Изруганный критикой, онъ находилъ возможность успокоивать другихъ: „Вы пишете, что Буренинъ дѣйствуетъ на Васъ угнетающе,—пусть такъ, но ради Создателя, не поддавайтесь этому чувству и не пасуйте передъ *великимъ* (курсивъ мой) критикомъ. Что бы онъ ни молоть авторитетно о бесполезности нашего брата, о пишущихъ ради куска хлѣба, онъ никогда не будетъ правъ. На этомъ свѣтѣ не тѣсно, для всѣхъ найдется мѣсто; мы не мѣшаемъ Буренину жить, и онъ намъ не мѣшаетъ. Вопросъ же о томъ, кто на землѣ полезенъ и бесполезенъ, не Буренину рѣшать и не намъ. Не расходуйте Вашихъ нервовъ и душевной энергіи на чортъ знаетъ что“. (Изъ письма къ И. Щеглову 18/II 99 г.).

И такъ всегда... А въ это время Буренинъ ругалъ самаго Чехова, и онъ только недоумѣнно писалъ: „что сдѣлалъ я Буренину, и за что онъ меня обливаетъ помоями?“ И только. Это взрывъ благородной души. А потомъ онъ ихъ всѣхъ прощалъ и совѣтовалъ друзьямъ махнуть на критику рукой: „Простите всѣмъ, кто обидѣлъ Васъ, махните рукой“...

Владимиръ Брендеръ.